

DOI: 10.23681/500101

Д. С. Менделеева

**ДРЕВНЕРУССКИЙ «СУДЕБНЫЙ ЦИКЛ»
«ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ, ЦАРЕВИЧЕ ОРДЫНСКОМ»
И «ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ»**

Аннотация: Статья посвящена некоторым особенностям древнерусского судопроизводства, которые нашли отражение в литературных памятниках XVI–XVII вв. В отличие от современных судебных процессов, на которых рассматривается вопрос о том, не противоречат ли закону те или иные действия подсудимых, процессы, описанные в обоих древнерусских произведениях, – это споры между двумя претендентами на имущество. И в обоих случаях судьи решают его судьбу, ориентируясь на праведность или грешность соискателей больше, чем на представленные доказательства.

Ключевые слова: менталитет, грешник, праведник, суд, «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Петре, царевиче Ордынском».

D.S. Mendeleeva

**OLD RUSSIAN “JUDICIAL CYCLE”:
“THE TALE OF PETER, PRINCE ORDYNSKY”
AND “THE TALE OF YERSH YERSHOVICH”**

Abstract: The article is to study some features of the Old Russian legal proceedings, which were reflected in the literary monuments of the 16th–17th centuries. The aim of modern judges in the process is to decide whether the actions of the defendants are not contrary to the law. The processes described in both Old Russian stories are disputes between two applicants for property. In both cases, the judges decide cases, focusing on the righteousness or sinfulness of the parties more than the evidence submitted.

Keywords: mentality, sinner, righteous man, court, “The Tale of Yersh Yershovich”, “The Tale of Peter, Prince of Ordynsky”.

Древнерусская литература сохранила для нас рассказы о двух судах за Ростовское озеро – в «Повести о Петре, царевиче Ордынском» XV в. и в «Повести о Ерше Ершовиче» XVII столетия.

Сходных черт, помимо появления в Ростовской земле (во втором случае – гипотетического и крайне сомнительного) у этих

произведений нет – они возникли в разное время и имеют очень разные источники (в первом случае – местная монастырская легенда, во втором – пародия на деловую переписку). Единственное, что объединяет их, — тема судебного спора за один и тот же предмет (что обуславливает и одинаковую логику судебного разбирательства). Кроме того, ни в «Повести о Петре», ни в «Повести о Ерше» содержание не исчерпывается одним только судом. Внимание авторов рассеяно с судебной процедуры и на другие предметы, а это дает нам возможность понаблюдать судебную логику русичей, так сказать, в непринужденной обстановке.

«Повесть о Петре Ордынском»: «земли от езера сего»

Итак, повесть XV в. рассказывает о судебном споре, который начался с возмущения городских рыбаков, усомнившихся в том, имеют ли право рыбаки обители ловить рыбу в Ростовском озере: «Аще петровьстии ловци не престануть ловити, то езеро наше будеть пусто» [2, с. 32]. Однако предмет спора тут же чуть-чуть меняется, и тяжба о праве на лов становится спором о границе владений, когда правнуки первого собственника заявляют внукам одаренного им: «Дѣдъ вашъ грамоты взя у прародитель наших на мѣсто монастыря вашего и рубежи землям его, а езеро есть наше» [2, с. 32].

До этого, в ходе довольно обстоятельного повествования, автор рассказывает читателям о происхождении монастырского надела и этих самых пресловутых грамот. Доказательств относительно происхождений и того, и другого – в избытке. Сначала повествуется о выделении участка:

«И повелѣ князь изврещи вервь от воды до ворот и от ворот до угла, от угла возле езеро – се мѣсто великое. Петръ же рече: “Да повелиши, князь, ровъ копати, якоже в Ордѣ бываетъ, да не будетъ погибения мѣсту тому”.<...> и гражане... в той час ископаша ровъ, иже есть донынѣ» [2, с. 28].

Затем рассказывается о происхождении документов на него:

«И повеле князь пред владыкою писати грамоты множество земель от езера, воды и лесы, яже суть и донынѣ» [2, с. 30]. И о подтверждении этих документов потомками первого правообладателя: «Пришед же посолъ царевъ в Ростов и, възревъ грамоты Петровы и старого князя, и суди их. И положи рубежи землям по грамотамъ старого князя и оправи Петрова сына и давъ ему грамоту съ златою печатю» [2, с. 30].

В этом повествовании все очень гладко и законно, даже избыточно. Непонятно только одно: даже если границы озера со временем менялись так, что часть выделенного праведному Петру участка оказалась под водой, какое право это дает рыбакам его потомков ловить там рыбу?

В итоге пришедший из Орды царский посол принимает решение, которое отчасти напоминает логику рассуждений его коллеги из гораздо более поздней смеховой повести – судьи Шемяки: «Не лож ли суть грамоты сия купля? Ваша ли есть вода, есть ли под нею земля? Можете ли воду снять съ земли тоя?» [2, с. 34]. На основе этого выносятся совсем уж произвольное решение: если воду с земли снять нельзя, то и рыбу ловить в ней можно. Однако составителю совершенно не сатирического, а, напротив, благочестивого повествования такое решение забавным отнюдь не кажется.

Чем же руководствуется судья?

*«Род татаръскы, кость не наша», или насколько
важно понравиться судьбе?*

По ходу повествования автор достаточно много внимания уделяет, так сказать, личностям участников процесса. Невольный виновник судебного разбирательства Петр выглядит у него человеком праведным не только по делам веры, но и в быту: «Бяху бо Петр ови сладци отвѣти и добрыа обычая въ всемъ» [2, с. 30]. Благочестивыми были и его внуки – они украшали икону Богородицы и устраивали клиру пиры, чтобы помянуть родителей: «Внукъ же Петров, именемъ Юрие, якоже на выче у родитель своих честь творити святей Госпоже Богородице в Ростовѣ, и гривны на ню възлагати, и пированиа владыкамъ и клиросу и собору церковному и праздникомъ святых апостолъ Петра и Павла и памяти ради, и творити родитель и прародитель и вѣчнаа их память по вся лѣта» [2, с. 32].

А вот потомки старого князя, напротив, изображены людьми неблагочестивыми – они с пренебрежением относились к братанию предков, да к тому же завидовали той чести, которой потомки Петра пользовались в Орде. Как же вели себя эти благочестивые люди, находясь, так сказать, в судебном процессе?

Как только умирает Петр (а с момента, когда мертвы все участники первоначальной договоренности, согласно древнерусскому праву, можно было считать расторгнутым, так называемый «веч-

ный» договор), его сын очень осмотрительно предпринимает путешествие в Орду: «Сынъ же Петровъ шедвъ Орду». Надо понимать, что ордынцы в это время – верховная власть на Руси.

Далее законопослушный Юрий демонстрирует в Орде свой высокий статус: «Там он сказася брата царева внукъ», – и обрадованные родственники выправляют ему царского посла, который и подтверждает прежние грамоты на владение имуществом: «Възрадовашася дяди, и посоль у царя исправиша ему» [2, с. 30]. Как видим, главное – оказаться «своим» для представителей власти, и все судебные вопросы решаются гораздо легче.

Такое же путешествие, описанное автором теми же словами, дословно, позже предпримет и внук Петра, Игнат. Получается, что решение по делу потомков Петра принимает судья, заранее симпатизирующий одной из сторон, причем настолько, что другая сторона его боится: «И бысть боязнь княземъ царева посла» [2, с. 32–34]. Впрочем, поскольку судья здесь, руководствуясь своими соображениями, все же наказывает неправедных и награждает праведных, в процессуальные тонкости автор углубляться не склонен.

«Повесть о Ерше»: «А родомъ есьми аз и старинший человекъ»

Повесть о Ерше. Прошло два века, и воды непредсказуемого Ростовского озера вновь составляют предмет спора. На сей раз перед нами – пародия на делопроизводство, но, заставив судиться за воды озера рыб, саму логику процесса автор, похоже, оставляет неизменной. Вот только современному читателю логика кажется несколько странной.

– «Жалоба... на вора, на разбойника, на ябѣдника, на обманщика <...>, на худово недоброво человекъ» [1, с. 176].

– «Яз буду искать безчестия своего, и назвали мѣня худым человеком, а родомъ есьми аз и старинший человекъ, детишка боярские» [1, с. 177], «А я, господа, <...> ни чмуть, ни вор, ни тать и не разбойникъ, а полишнаго у мѣня никакова не вынимывали, <...> а следомъ ко мне не прихаживали и напраслины никакой не плачивалъ. Человекъкъ я доброй, знаютъ меня на Москве князи и бояря, и дети боярские» [1, с. 177].

В какой-то момент кажется, что участники процесса вообще забыли, о чем они спорят. Зато все упоенно устанавливают, что, заселяясь в Ростовское озеро, Ерш «назвался крестьянином» и что жалуются на него крестьяне же.

Потом из набора преувеличенных эпитетов (судебные ходатайства тогда писались как челобитные – со всеми эмоциями – вдруг да разжалобят строгого судью?) выплывает все-таки суть дела – то ли имущественный спор, то ли разбой: «Крестиан ваших перебили и переграбили <...> и озером завладѣли насильствомъ» [1, с. 177].

И, наконец, почти случайно, стороны вспоминают о документах: «есть ли у нево, Ерша, на то ростовское озеро какое письмо или какие данные, или крепости какие-нибудь?» [1, с. 178].

Позже выясняется: у истцов документы тоже не сохранились: «Пути де у насъ и данные утерялися» [1, с. 178]. И дальше процесс превращается в соревнование «слово против слова», где судья пытается выяснить, чье свидетельство надежнее, практически основываясь на репутации участников. То есть начали «за имущество», а продолжили – про характеристики сторон.

Тогда поручители Сельдь и Лодуга рассказывают, у кого именно популярен «на Москве» Ерш: «Знають Ерша на Москвѣ бражники и голыши и всякие люди, которым не сойдетца купить добърые рыбы» [1, с. 178].

Роковыми же оказываются для Ерша свидетельства двух воевод – Осетра и Сома, причем один из них в нынешнем разбирательстве сам выступает судьей, а второй – окольничьим. Первого Ерш когда-то обманом отговорил идти в Ростовское озеро, а над братом второго, попавшим в сеть, посмеялся. То есть искали аргументы далеко, а нашли в собственной памяти.

Из этих доказательств судьи делают вывод, что Ерш – «ведомый воръ», и постановляют... выдать его оппонентам грамоты на владение Ростовским озером.

Выводы

Две рассмотренные повести в древности никогда не воспринимались как цикл, не упоминают их вместе и современные исследователи. Тем не менее, их многое связывает.

Менялись эпохи, исторические обстоятельства на Руси. Судебная власть от ордынских послов перешла к городским воеводам, а вот логика средневековых судий, похоже, осталась прежней.

Имущественные споры разбирали, весьма серьезно «взирая на лица». Если документов по сути спора не хватало или если они не отражали сполна его предмет, на благосклонность судий мог

рассчитывать либо человек, которого судья почему-либо мог считать «своим», либо человек с безупречной репутацией. А уж для строптивца, который однажды в чем-либо перешел судье дорогу, ввязываться в разбирательство и вовсе было краем легкомыслия.

Правда, у подобной судебной прямолинейности была и обратная сторона. Добросовестные ответчики, как правило, и авторами воспринимались как «люди добрые, праведные», а недобросовестные – и по жизни оказывались «ворами, плутами и обманщиками», так что даже несколько произвольное судебное решение, как правило, попадало в точку, а присудить праведникам немного лишнего проблемой не казалось.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Повесть о Ерше Ершовиче» // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. – М., 1989. Книга вторая. Вып. 11. – С. 176–182.
2. Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. – Москва, 1984. Вып. 6. – С. 20–38.

Об авторе / About author

Дарья Сергеевна Менделеева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: Delta1974@list.ru

Daria S. Mendeleeva – PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: Delta1974@list.ru